

С. А. Гордейчик, Н. А. Егорова

ПЫТКИ НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ РАССЛЕДОВАНИИ: ПРИЧИНЫ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

В статье анализируются причины применения пыток при производстве предварительного расследования. Рассматриваются специфические причины существования данного явления в уголовном судопроизводстве, проистекающие из недостатков самого уголовно-процессуального законодательства и практики его применения. Предлагаются конкретные меры предупреждения пыток на досудебной стадии уголовного процесса.

Ключевые слова: пытка, предварительное расследование, тактический прием, явка с повинной, доказательство, показания обвиняемого, показания подсудимого.

S. A. Gordeychik, N. A. Egorova

TORTURES DURING PRELIMINARY INVESTIGATION: CAUSES AND PREVENTION

The article focuses on the causes of applying tortures in the course of preliminary investigation as well as the specific causes of this phenomenon in criminal proceedings being a result of drawbacks of the legislation of criminal procedure itself and the practice of its application. The authors offer certain measures to prevent tortures at the pretrial stage of criminal procedure.

Keywords: torture, preliminary investigation, tactical technique, surrender, evidence, testimony of the accused, testimony of the defendant.

В ст. 9 Уголовно-процессуального кодекса РФ [1] нашел отражение принцип уважения чести и достоинства личности. Составным элементом данного принципа является следующее положение: «Никто из участников уголовного судопроизводства не может подвергаться насилию, пыткам, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению» (ч. 2 ст. 9 УПК).

Данное требование общеизвестно, базируется на нормах международного права (в частности, ст. 3 Конвенции «О защите прав и основных свобод человека» от 4 ноября 1950 г., ратифицированной Российской Федерацией 30 марта 1998 г. [2]) и Конституции РФ (ч. 2 ст. 21).

В криминалистической тактике недопустимость пыток [3] как способа получения показаний аксиоматична, поскольку пытки не соответствуют,

пожалуй, ни одному критерию допустимости тактических приемов [4, с. 178—179]. И сегодня продолжают исследования, направленные на совершенствование тактических приемов допроса и очной ставки [5, с. 84—86; 6, 7].

Однако не только специалисты в области права, но и значительная часть наших граждан осведомлены о декларативности приведенных правовых норм и тактических правил, их невыполнении на стадии досудебного производства по уголовным делам [8]. Не случайно адвокатским сообществом разработаны специальные рекомендации по тактике защиты при недопустимых методах воздействия в отношении подозреваемого (обвиняемого) [9].

Сравнительно недавние события в Казани [10], которые потрясли Россию, вызвали новую волну интереса ученых и правоприменителей к

проблеме пыток как способа воздействия на участников уголовного процесса.

В современной литературе пытки как способ получения «доказательств» рассматриваются в качестве разновидности так называемого *инструментального насилия (агрессии)*, т. е. насилия, применяемого должностными лицами правоохранительных органов ради достижения служебных целей [11, с. 103—104]. При этом убедительно показано, что инструментальное насилие в правоохранительной сфере имеет глубочайшие исторические корни (долгое время пытка считалась законным методом добывания доказательств) и распространено в глобальном масштабе [11, с. 1—35; 12, с. 136—137, 154—155, 198—203, 279—280, 669, 678—679, 684—685, 710—711, 720—722, 737—738; 13, с. 123—124]. В недалеком прошлом, в эпоху Конституции СССР 1936 г., провозглашавшей неприкосновенность личности (ст. 127), действовала секретная инструкция И. В. Сталина, в которой санкционировалось применение пыток к «врагам народа» [14]. Поэтому можно констатировать печальный факт: к настоящему времени в правоохранительных органах России сформировалась самовоспроизводящаяся «*субкультура насилия*» [11, с. 172, 176].

Мы не подвергаем сомнению необходимость дальнейших научных и методических разработок в области тактики допроса, а также применения жестких уголовно-правовых, воспитательных и иных превентивных мер в отношении сотрудников ОВД и других правоохранительных органов. Однако полагаем, что подобными средствами в корне изменить ситуацию уже нельзя.

При рассмотрении уголовных дел в судебном заседании подсудимые нередко заявляют о применении в отношении них физического воздействия на стадии предварительного расследования. Как правило, это происходит при рассмотрении дел о тяжких и особо тяжких преступлениях, совершенных в условиях неочевидности. Часто подобное утверждается неоднократно судимыми, ведущими антисоциальный образ жизни лицами, что никоим образом не умаляет общественной опасности

поведения должностных лиц, совершающих такие деяния.

В ходе проверки таких заявлений, осуществляемой следственным комитетом по поручению прокуратуры, проводятся медицинское освидетельствование лица, заявившего о применении в отношении него пыток, опрос должностных лиц, на которых заявитель указывает как на применявших к нему насилие. Как правило, в ходе проверочных действий никаких следов на теле заявителя не выявляется, поскольку не каждое насилие оставляет видимые следы, а иногда они успевают исчезнуть, так как с момента физического воздействия до освидетельствования проходит много времени. Естественно, должностные лица, которых называет пострадавший, отрицают факты применения насилия. Проверка «благополучно» завершается вынесением постановления об отказе в возбуждении уголовного дела за отсутствием либо события, либо состава преступления.

В свою очередь, материалы такой проверки становятся для судьи главным аргументом в пользу предпочтения именно первоначальных признательных показаний подсудимого, данных им на следствии и затем отказавшегося от этих показаний в суде.

Участие защитника на стадии предварительного расследования — отнюдь не гарантия против пыток, поскольку последние применяются чаще всего в отсутствие защитника.

В результате складывается ситуация, когда при далеко не удовлетворительной работе по раскрытию и расследованию преступлений достигается если не высокий, то «приемлемый» процент раскрываемости. Это закономерно порождает недоверие общества ко всей правоохранительной системе. К сожалению, пока в деятельности данной системы преобладает незаконный, но весьма значимый для нее интерес в применении пыток как способа получения доказательств. Этот интерес заключается в том, что сложившееся на практике отношение к признанию вины как к основному доказательству избавляет от необходимости тратить силы и время на поиск других лиц, совершивших

преступления, совершенствовать тактику допросов, технику обнаружения и изъятия следов, расходовать средства на повышение уровня образования и профессиональной подготовки сотрудников.

Объяснима и позиция прокуратуры. В ее компетенцию входит не только надзор за соблюдением законности в ходе производства оперативно-разыскной деятельности, дознания и предварительного следствия, но и уголовное преследование, поэтому в целом она не заинтересована в исключении из числа доказательств виновности признательных показаний. Об этом свидетельствует практика поддержания обвинения в суде: государственные обвинители всегда возражают против удовлетворения ходатайств стороны защиты об исключении из числа доказательств показаний подозреваемых, обвиняемых, данных на предварительном расследовании, если эти показания содержат признание в совершении преступления.

Далеко не все судьи готовы исключить из числа доказательств виновности признательные показания подозреваемого, обвиняемого в случае заявления последним о применении в отношении него насилия на предварительном следствии. Причина в том, что и в настоящее время, вопреки чч. 2 и 3 ст. 15 УПК, суд фактически не до конца освобожден от обязанности поддержания обвинения.

Не последнюю роль в этом играет и позиция Верховного суда РФ по вопросу об оценке явки с повинной как обстоятельства, смягчающего наказание. Как следует из ч. 1 ст. 142 УПК, заявление о явке с повинной — добровольное сообщение лица о совершенном им преступлении, которое расценивается как повод для возбуждения уголовного дела (п. 2 ч. 1 ст. 140 УПК). Однако Пленум Верховного суда РФ в п. 7 постановления № 2 от 11 января 2007 г. «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» [15, с. 7] дал расширительное толкование данному обстоятельству, разъяснив: «Сообщение о преступлении, сделанное лицом после его задержания по подозрению в совершении

преступления, не исключает признания этого сообщения в качестве смягчающего наказание обстоятельства. Если же органы следствия располагали сведениями о преступлении (показаниями потерпевших, свидетелей, процессуальными документами и т. п.) и задержанному лицу было известно об этом, то подтверждение им факта участия в совершении преступления не может расцениваться как явка с повинной, а признается в качестве иного смягчающего наказание обстоятельства (например, изобличение других участников преступления).

Если сообщение лица о совершенном с его участием преступлении в совокупности с другими доказательствами положено судом в основу обвинительного приговора, то данное сообщение может рассматриваться как явка с повинной и в том случае, когда лицо в ходе предварительного расследования или в судебном заседании изменило свои показания.

Сообщение лица, задержанного по подозрению в совершении конкретного преступления, об иных совершенных им преступлениях, неизвестных органам уголовного преследования, следует признавать как явку с повинной и учитывать при назначении наказания при осуждении за эти преступления».

Правоприменительная практика показывает, что явке с повинной придается чрезмерное значение.

1. Явка с повинной признается доказательством наряду с другими сведениями, хотя прямо не указана в ч. 2 ст. 74 УПК.

2. В отличие от других доказательств, процессуальная форма получения которых четко регламентирована УПК, специальных требований к явке с повинной в законодательстве не содержится. Наименования явки с повинной в материалах уголовных дел тоже различны («чистосердечное признание», «заявление о совершении преступления», «чистосердечное раскаяние» и т. п.). Явиться с повинной можно фактически к любому работнику правоохранительных органов (оперативному сотруднику, следователю, дознавателю, прокурору).

3. При явке с повинной закон не возлагает на органы предварительного расследования обязанность обеспечить участие защитника (ст. 49 УПК).

4. Наконец, сложилась своеобразная (и порочная) практика исследования и оценки судом явки с повинной. В отличие от других доказательств она подлежит учету независимо от того, исследовалась ли она в судебном заседании. Даже если стороны не ходатайствовали об ее исследовании, суд все равно обязан принять ее во внимание при назначении наказания. Очевидна абсурдность ситуации, когда подсудимый и защитник заявляют ходатайство об исключении явки с повинной из числа доказательств по делу, государственный обвинитель против этого возражает, а суд отказывает в удовлетворении названного ходатайства.

Сказанное дает основание предположить, что базовая, глубинная причина пыток как способа получения «доказательств» по уголовным делам — не субкультура насилия (А. Н. Халиков), а институциональная «субкультура обвинения» (термин условный) в органах, осуществляющих уголовное преследование и рассмотрение уголовных дел по существу и образующих «обвинительный тандем». Такой «перекос» в пользу обвинительной составляющей уголовного судопроизводства заложен в нашем уголовно-процессуальном законодательстве, согласно которому на стороне защиты нет участников, наделенных государственно-властными полномочиями. В то же время функции обвинения и разрешения уголовного дела выполняют представители государственной власти (кроме потерпевшего, частного обвинителя, гражданского истца и их представителей). А это значит, что провозглашенный в ст. 15 УПК принцип состязательности сторон едва ли может быть реализован во всей его полноте.

Представляется, что проблему предупреждения пыток на предварительном расследовании пора решать кардинально, лишив сторону обвинения заинтересованности в осуществлении названного выше незаконного

интереса в применении насилия к участникам уголовного процесса.

Прежде всего необходимо освободить суд от обязанности поддержания обвинения, целиком передав эту функцию прокурору и потерпевшему. Для этого следует изменить оценку явки с повинной и признательных показаний. Здесь может пригодиться опыт работы суда присяжных в современной России. Часто присяжные мысленно исключают явку с повинной и признательные показания подозреваемых, обвиняемых и основывают свой вердикт на иных доказательствах. Нередко оправдательные вердикты выносятся потому, что, кроме признательных показаний и явки с повинной, у стороны обвинения нет других доказательств.

Полагаем, что при заявлении подсудимым о применении в отношении него незаконных методов расследования *суд обязан исключать из доказательств вины и явку с повинной, и признательные показания*. Согласно ст. 46, 47 УПК дача показаний — это *право* подозреваемого и обвиняемого. Логика и здравый смысл подсказывают, что указанные лица вправе впоследствии отказаться от этих показаний, которые в этой связи должны стать юридически ничтожными.

Нельзя забывать и о том, что показания подозреваемого и обвиняемого на предварительном следствии — это доказательства стороны защиты. Поэтому такие показания, по смыслу принципа состязательности, должны исследоваться судом только по ходатайству подсудимого и его защитника. Можно возразить, что ст. 276 УПК допускает оглашение показаний подсудимого, данных при производстве предварительного расследования, по ходатайству, в т. ч., государственного обвинителя при наличии противоречий с показаниями, данными в судебном заседании. Полагаем, что названная статья противоречит принципу состязательности и потому не должна применяться.

Какими видятся возможные положительные последствия реализации этой идеи? Во-первых, это сделает бессмысленным применение пыток как способа получения «доказательств» и будет

способствовать исключению подобной практики из работы правоохранительных органов. Во-вторых, это ориентирует уполномоченные органы на поиск иных доказательств виновности. В-третьих, это сократит сроки предварительного расследования, поскольку отпадет необходимость в проведении бесконечных допросов, очных ставок, проверок показаний на месте с участием подозреваемого, обвиняемого.

В перспективе следует исключить из перечня доказательств (ч. 2 ст. 74 УПК) показания подозреваемого и обвиняемого на предварительном расследовании, заменив их показаниями подсудимого, данными в суде. В этой связи необходимо изложить п. 1 ч. 2 ст. 74 УПК в следующей редакции: «1) показания подсудимого».

По нашему мнению, предложенные меры позволят если не устранить пытки на стадии досудебного производства, то хотя бы снизить уровень их распространенности.

Примечания

1. В дальнейшем — УПК.
2. СЗ РФ. 1998. № 20. Ст. 2143.
3. В данной статье мы придерживаемся трактовки понятия «пытка», содержащейся в примечании к ст. 117 Уголовного кодекса РФ.
4. О критериях допустимости тактических приемов в судопроизводстве см., напр.: Россинская Е. Р. Криминалистика: курс лекций. М., 2006.
5. Лустина И. С. Нетрадиционные тактические приемы, используемые при производстве допроса // Сибирский юридический вестник. 2001. № 2.
6. Перякина М. П. Правовые основы и тактика очной ставки: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2008.
7. Лонщикова А. Р. Тактика допроса обвиняемого по делам о насильственных преступлениях : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2009.
8. Гилинский Я. И. Еще раз о пытках [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.crimpravo.ru/blog/1726.html> (дата обращения: 28.03.2012).
9. Защита по уголовным делам. Адвокаты [Электрон. ресурс]. URL: http://www.criminallawyer.ru/pages/law_escort_2/ (дата обращения: 24.04.2012).
10. Пытки в казанской полиции [Электрон. ресурс]. URL: <http://lenta.ru/story/dalny/> (дата обращения: 24.04.2012).
11. Халиков А. Н. Должностные насильственные преступления, совершаемые в правоохранительной сфере: характеристика, психология, методика расследования. М., 2011.
12. Чельцов-Бебутов М. А. Курс уголовно-процессуального права. СПб., 1995.
13. Терещенко М. О пользе пытки: могут ли демократические общества оставаться пристойными? // Логос. 2011. № 1.
14. Кузнецов П. Деятельность руководства НКВД СССР в 1934—1938 гг.: историография проблемы [Электронный ресурс]. URL: http://www.historicus.ru/deyatelnost_rukovodstva_nkvd/ (дата обращения: 25.12.2011).
15. Бюллетень Верховного суда Российской Федерации. 2007. № 4.